

Е. Л. Сараева

Война 1812 г.: взгляд московской аристократки М. А. Волковой

В статье изучены представления московской аристократки Марии Аполлоновны Волковой о войне 1812 г., выявлены особенности женского взгляда на вторжение французских войск в Россию, на Бородинскую битву, занятие армией Наполеона Москвы. Дан анализ культурных интересов московских дворянских девушек, выявлены их представления о гендерных отношениях. Определены источники сведений москвичей о военных событиях – слухи и рассказы очевидцев, приведена информация о недовольстве ими отсутствием достоверных фактов о военной кампании. Объяснено критическое восприятие обывателями стратегии и тактики М. Б. Барклая де Толли – жители не имели сведений о планах командования и результатах военных действий, поэтому неудачи объясняли предательством иностранцев на русской службе. В статье обращается внимание на оценки обывателями русских командующих, на ожидания о смене состава генералитета русской армии. Выявлены составляющие национального сознания русских людей, представлено их мнение о пленных французах, о разорении дворянских поместий и крестьянских дворов. Акцентируется внимание на эмоциональном восприятии русскими женщинами горя людей во время войны. Значимой проблемой исследования является анализ религиозных настроений обывателей в дни войны.

Ключевые слова: отечественная война 1812 г., М. А. Волкова, Москва, М. И. Кутузов, Бородинское сражение, М. Б. Барклай де Толли, Наполеон.

E. L. Saraeva

War of 1812: Moscow Aristocrat M. A. Volkova's View

In the article are revealed ideas of Moscow aristocrat Maria Apollonovna Volkova about the War of 1812 are studied, features of a female view of the French army invasion into Russia, on the Battle of Borodino, occupation of Moscow by Napoleonic army. The analysis of Moscow noble girls' cultural interests is given, their ideas on gender relations are revealed. Muscovites' sources on information about military events are revealed, they were rumours and stories of eyewitnesses, information on their discontent with the lack of reliable facts about the military campaign is provided. Inhabitants' critical perception of M. B. Barclay de Tolly's strategy and tactics is explained – inhabitants had no information on plans of officership and results of military operations therefore failures were explained with treachery of foreigners on the Russian service. In the article the attention is drawn to inhabitants' estimates of the Russian commanders, on expectation to change the structure of the Russian army generals. Components of the Russian people's national consciousness are revealed, their opinion is presented on the captured French, on ruins of manorial estates and the farm homesteads. The attention is focused on the Russian women's emotional perception of people's grief during the war. A significant problem of the research is the analysis of inhabitants' religious moods in war days.

Keywords: Patriotic War of 1812, M. A. Volkova, Moscow, M. I. Kutuzov, the Battle of Borodino, M. B. Barclay de Tolly, Napoleon.

Изучение представлений женщин о судьбе отечества в 1812 г. позволяет раскрыть глубинные истоки духовной культуры русского общества, черты национального самосознания соотечественников того времени. Не будучи участницами этой военной кампании, представляя широкий слой обывателей, женщины сформировали свой взгляд на военно-политические события этого года. Его ценность заключается в женской рефлексии, предопределенной системой ценностей и мыслями о родине.

Заявленная тема приобрела научную актуальность в современной гендерной историографии. В статье А. В. Борисовой анализируются особенности женского взгляда на войну 1812 г.: вы-

сокий патриотизм, сострадание к раненым и обессиленным от голода людям, сопереживание близким, желание помочь русской армии в борьбе с Наполеоном. Алина Владимировна охарактеризовала мнения представительниц разных социальных групп, выявив общие и различные черты их восприятия войны: одинаково патриотично настроены и способны на жертвы, но крестьянки, исходя из религиозных представлений, относились к происходящему как неизбежному злу, а дворянки усваивали и воспроизводили официальные оценки событий.

Углубленное изучение представлений о войне 1812 г. хорошо образованной аристократки москвички М. А. Волковой позволяет выявить раз-

личные пласты в ее личностной культуре, определить влияние официального взгляда на события и уровень ее саморефлексии.

Источником по теме являются письма *Марии Аполлоновны Волковой* (1786–1859) к подруге *Варваре Ивановне Ланской*, урожденной княжне Одоевской (1794–1845). В 1812 г. обе были молоды, принадлежали к великосветскому кругу, имели развитые культурные запросы. В своих письмах Мария Волкова передавала мнения близких и знакомых о различных событиях, что позволяет применить метод типизации социокультурных явлений, и излагала собственные суждения о них, давая свою характеристику поведения и настроения людей, что обуславливает использование индивидуализирующего подхода. Тематика писем позволяет раскрыть круг интересов их автора, а оценки, которые они содержат, дают возможность типизировать культуру молодой дворянки.

В письмах довоенного времени автор сообщала многочисленные известия о повседневной жизни своих родных и знакомых – о подготовке к свадьбе брата, ужинах, праздниках, дуэлях, о прочитанных книгах и переводах. Мария Волкова вела привычный для молодых аристократок того времени образ жизни, проявляя себя как частное лицо, интересующееся обыденными вопросами, значимыми для ее круга женщин. Это позволяет определить ее положение в обществе как обывательницы, ориентированной на интересы частных людей, не поднимающей общезначимые социально-политические проблемы.

Тема войны впервые прозвучала в письме Марии Волковой от 24 июня 1812 г. В этом послании преобладала женская тематика обыденного времени – отношения между мужчинами и женщинами. Она осуждала «мужей-холостяков», устраивавших за городом пикники с цыганками. Писала она и о мужьях, мало внимания обращавших на своих жен и проигрывавших в карты огромные суммы. Письмо передало настроения москвичей в конце июня 1812 г.: «...никто не знает радости... я не слышу другого разговора, как о войне» [2, с. 44]. Свои переживания в связи с началом войны Мария назвала «беспокойством», она полагалась на Бога. В последующее время она, перечисляя новости московской жизни, обязательно передавала сведения о военных событиях и свои впечатления о них.

Для всех писем Марии Волковой характерно эмоциональное восприятие войны. Страх, грусть, уныние – чувства москвичей, ежедневно

собиравшихся в домах наиболее осведомленных о военных событиях людей: «Мы здесь все грустны и приуныли. Я нахожусь в постоянном страхе» [2, с. 45].

Основными источниками информации М. Волковой о войне были слухи, и она полагала, что многие из них ложные. Она писала, что все ждали побед: «Хорошо бы, если бы мы в действительности одержали хотя одну победу, тогда бы мы скоро отделались от жестокого врага человечества» [2, с. 45]. Желание получить достоверные сведения о военных действиях побуждало М. Волкову посещать дома, где она встречалась с людьми, «находящимися в служебных сношениях с армией» (15 августа 1812 г.) [2, с. 53]. Она, как и другие женщины ее круга, разговаривала с лицами, имевшими последние новости из армии. Другой источник информации – рассказы людей, уехавших из имений накануне их занятия французами, разговоры с беженцами. Из писем Волковой можно получить сведения о том, когда крестьяне и дворовые могли покинуть свои дома: был императорский указ, позволявший бросать избы только тогда, когда через поселения пройдут русские войска (15 августа 1812) [2, с. 53]. Волкова считала, что этот указ не защищал право простого человека заботиться о своей безопасности. Но, вероятно, правительство думало об обеспечении русской армии: крестьяне могли ей помогать.

Впечатления о военных событиях в письмах Волковой всегда сопровождалась религиозной рефлексией. С ее слов, единственное счастье Марии в это время составляла лишь вера в Провидение: «...она не дает впасть в отчаяние» [2, с. 45]. Она верила не в разум человека, а в Бога, определяющего судьбы людей и народов: «Что Богу угодно, то и случится...» [2, с. 47].

По мере того как прояснялось направление отступления русских войск – по дороге на Москву, настроения москвичей становились все более тревожными. Уже в июле жители древней столицы задумались об отъезде из города: «Спокойствие покинуло наш милый город. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра будем Бог знает где», – писала Мария 22 июля. Религиозные чувства Марии обострились, она уповала на милосердие Бога: «Все в руках Божиих; следовательно, пока зло не совершилось, мы не должны отчаиваться и сомневаться в Божьем милосердии» [2, с. 48]. Она, видимо, как и многие женщины, ждала «неожиданной помощи» от Бога [2, с. 51].

Церкви, как свидетельствовала М. Волкова, в дни войны были полны прихожанами. *Религиозные чувства русских людей в дни войны были сильными. Люди часами стояли в церквях, обращаясь к Богу, веруя в его милость. Волкова передала молитвенное состояние людей в церкви: «Все молились с усердием, какого мне не приходилось еще видеть, почти все обливались слезами»* [2, с. 51]. Мария радовалась оживлению религиозных чувств людей, надеясь, что *«искренними мотивами можем мы снискать милосердие Божие»* (12 августа 1812) [2, с. 51].

Уже в июле 1812 г. Мария Волкова задумалась о роли народа в войне, который сможет защитить страну. События позволили ей понять, что народ крайне ожесточен в отношении французов: *«Я много ожидаю от враждебного настроения умов. Третьего дня чернь чуть не побил камнями одного немца, приняв его за француза»* (22 июля 1812) [2, с. 48]. В августе она восторженно писала о патриотизме народа: *«Народ ведет себя прекрасно»* [2, с. 49]. Шел рекрутский набор в армию. До москвичек дошла информация о том, что *«мужики не ропщут; напротив, говорят, что они все охотно пойдут на врагов и что во время такой опасности всех их следовало бы брать в солдаты»* [2, с. 50]. Мария понимала горе крестьянок, прощавшихся со своими мужчинами: *«...бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят...»* (5 августа 1812) [2, с. 50]. В другом письме она назвала народ *«прекрасным»*, осуждая равнодушие высших чиновников к его судьбе. В дни войны Волкова испытывала чувство социальной солидарности, понимая, что народ ведет себя высоко патриотично и спасает отечество, но он и страдает более сильно, чем обеспеченные люди. Эта позиция девушки позволяет говорить о развитости ее гражданского сознания, заключавшегося в понимании ею того, как важно заботиться о народе и быть благодарным ему.

М. Волкова неоднократно свидетельствовала о ненависти простых людей к французам уже в первые дни войны. Ходили слухи о том, что в Москве немало французских шпионов. Народ стал их искать: *«...ежедневно ловят французских шпионов»* (15 августа 1812) [2, с. 53]. Мария писала, что в Москве было опасно говорить по-французски: *«Народ так раздражен, что мы не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить, так как не раз уже ловили французов, одетых кре-*

стьянами или в женскую одежду, снимавших планы, занимавшихся поджогами и предрекавших прибытие Наполеона, словом, смущавших народ» (15 августа 1812) [2, с. 53]. Она восхищалась преданностью народа отечеству, понимала, что простые люди – *«несчастные»* – страдают, теряя имущество (15 августа 1812) [2, с. 53].

Война оживила национальные чувства русских людей, оскорбленных вторжением французов, разорвавших русские земли. Восприятие французов как *«чужовиц»* свидетельствовало о том, что война разъединяла народы. Волкова, будучи наблюдательным современником, интересующимся поведением разных слоев общества, обратила внимание на отношение народа к войне, его высокий патриотизм и жертвенность.

В письмах Волковой просматриваются различия в гендерном поведении в военное время: мужчины – *«старые и молодые»* – поступили на службу: *«В Москве не остается ни одного мужчины...»*, а женщины оплакивали убитых и раненых. *«Сколько трауров, слез»*, – с сочувствием писала Мария [2, с. 48].

Мысли о причинах военных неудач заставили Волкову задуматься над вопросом о неустойчивости российской жизни, что свидетельствовало о развитии ее гражданского сознания. Однако социально-политические проблемы она осознавала смутно. В «неустойчивости» она видела *«сумасбродство и разврат»*. Мария полагала, что необходимо извлечь уроки из неудач: *«...положение, в котором мы находимся, может послужить нам хорошим уроком, лишь бы мы захотели им воспользоваться»* [2, с. 49]. Недостаток информации, распространение ложных слухов она воспринимала как недопустимую ситуацию. В России в период войны не была создана система оповещения населения о ситуации на фронте. Это вызывало недовольство людей, не желавших пользоваться лишь слухами. Они сомневались в достоверности сообщений о победах, опасаясь преувеличения их значения. Волкова назвала их *«ослеплением»*. Она воспринимала его последствия опасными, считая, что лучше ясно видеть ситуацию, чем рисовать оптимистичную картинку.

В русских религиозных традициях Мария Волкова трактовала причины военных поражений – грехи русских людей. Она полагала, что нужно искренне раскаяться в грехах: *«...молитвы дойдут до Всевышнего и спасут всех нас»* [2, с. 49].

Понятия официальной риторики – «преданность Отечеству и государю» – были прочно усвоены многими русскими людьми в дни войны с Наполеоном. Мария Волкова писала, что «недостало журналистов», чтобы «описывать все доказательства преданности Отечеству и государю, о которых беспрестанно слышишь...» [2, с. 49].

Женское сострадание вызывали раненые. Немало женщин-москвичек готовили корпии – перевязочные средства (выдергивали нити из мягких тканей). «Я работаю целые дни», – писала Мария. Она не могла привыкнуть к виду раненых и разговорам о них: «Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненых, только и слышишь, что об них. Как часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя с ними свыкнуться» [2, с. 50].

Сострадание – черта христианского сознания Волковой в дни войны. Она сопереживала другим, столкнувшимся с личными потерями в этой войне. Мария писала, что у нее болезненно сжималось сердце при виде горьких слез женщин [2, с. 51]. Женщины переживали за близких, плакали. «Я сама теперь ежеминутно готова плакать; с трудом удерживаю слезы...», – так определяла свое душевное состояние М. Волкова в августе 1812 г.

Разорение поместий в ходе войны – реальность дворянской жизни того времени. Наполеон рассчитывал на то, что разорившиеся дворяне повлияют на императора Александра и он вынужден будет подписать мирный договор. Проблема потери имений была очень значима для дворян. Судя по письмам Волковой, разорение поместий было для них бедствием. Невозможно было не огорчаться и не принимать к сердцу всего, что слышали и видели женщины, утверждала Мария.

Изменение хода войны многие люди, в том числе Мария Волкова, связывали со сменой командующего русской армией. Письма Волковой свидетельствуют, что мирные люди не понимали стратегии отступления, выбранной Барклаем де Толли, считая, что он, иностранец на русской службе, предал интересы России. В ряде писем она передает отношение московских обывателей к Барклаю де Толли: Барклай «возбудил к себе общую ненависть» (15 августа 1812); «Не можешь вообразить, как все и везде презирают Барклая. Да простит ему Бог и даст ему сознать и раскаяться во всем зле, которое он сделал» (27 августа 1812); «Барклай, ожидая отставки, поспешил

сдать французам все, что мог, и если бы имел время, то привел бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему Бог, и мы долго не забудем его измены» (3 сентября 1812) [2, с. 52, 55–56].

Позднее анализ стратегии и тактики русской и французской армии позволил историкам установить, что план военной кампании, продуманный Барклаем в первые два месяца войны, был единственно верным. Он дал возможность объединить русские армии, с одной стороны, а с другой – увеличивал потери французских войск. Однако этого замысла Барклай де Толли не понимали мирные жители – современники тех событий. Они, видимо, учитывая национальность, обвинили его в предательстве, измене.

Многие рассуждения в письмах М. Волковой свидетельствуют о незнании и непонимании ею и ее знакомыми военной ситуации, стратегии русского командования. Поражения русских войск в летние месяцы М. Волкова, вероятно, как и многие другие в Москве, объясняла предательством лиц, имевших отношение к руководству войсками, и бездействием «подлых начальников». Она надеялась, что их уволят, если это будет угодно Богу (27 августа 1812) [2, с. 55]. В августовских письмах она критикует действия многих генералов, уверяя свою подругу, что «французы провели наших, как простаков» под Смоленском, который надо было защищать не менее полугода, а сдали его за 3 дня из-за несогласованности действий высших офицеров. М. Волкова была убеждена, что Смоленск подожгли французы. Русских, защищавших Смоленск, она назвала героями, проявившими «храбрость», которые заслуживают «бессмертную славу».

Обывательские представления о военных планах и сражениях однозначно служили питательной пищей для формирования ложного общественного мнения о ходе военной кампании. Причины неверного понимания происходящих военных событий – плохая информированность мирных жителей; скрытный характер действий русского командования, целью которого было ввести противника в заблуждение, вызвать у него иллюзии в отношении русской армии; ущемленные национальные чувства русских людей, веривших в свою армию и не могущих понять ее отступления.

Как следует из писем Волковой, многие москвичи объясняли ход военных событий личными качествами людей, принимавших решения, поэтому они ждали смены руководства русской армии, отставок. Мария, занимая истинно христи-

анскую позицию, просила Всевышнего простить изменников: «*Моли Бога, милый друг, чтобы Он простил тех несчастных, которые продают свое отечество*» (12 августа 1812) [2, с. 51].

М. Волкова, излагая свое мнение, а также представления московских знакомых, отмечала, что все радовались *назначению М. И. Кутузова* командующим русской армией: «*Сию минуту узнала, что Кутузов назначен главнокомандующим. Поблагодарим Бога за Его милосердие и будем усердно молиться о будущем*» (12 августа 1812) [2, с. 51]; «*...мы так радуемся назначению Кутузова*» (15 августа 1812) [2, с. 52]. Авторитет Кутузова в русском обществе, как следует из писем, был очень высоким. Общество возлагало надежды на его полководческий талант. Как видно, в дни войны шла *выработка общественного мнения* о русских командующих, о чиновниках, которых винили в неудачах. Мнения простых обывателей о положении дел в армии, о военной стратегии и тактике далеко не соответствовали действительности, эти суждения приобрели характер легенды, интерпретации, не основанной на фактах. Однако эти мнения выражали обостренное национальное чувство, нежелание мириться с поражениями. Из чувства патриотизма обыватели обвиняли иностранных офицеров на русской службе в предательстве.

В период войны формировалось и *общественное мнение о французах* как о врагах, а не представителях высокой европейской цивилизации. Ненависть к ним, судя по письмам Волковой, росла день ото дня. Пребывание французов в Москве вызывало у москвичей исключительно негативные эмоции. Враждебное отношение к французам проявлялось в риторике: в письмах Волковой они называются «*чудовищами*». Изначально она воспринимала Наполеона, вторгшегося с войсками в Россию, как жестокого «*врага*».

Бедствия 1812 г. Мария характеризовала как наказание за «*соблазн*» усвоения чужой культуры. Выход она искала в обращении к православию: «*Одно пугает меня – это то, что несчастья не служат нам уроком: несмотря на все, что делает Господь, чтобы обратить нас к себе, мы противимся в ожесточении сердечном*» (17 сентября 1812) [2, с. 59]. Познание Бога заключается в духовном просветлении, полагала Мария Волкова. Будучи истинной христианкой, она, получая сведения о том, что французские пленные умирают от голода и холода, с состраданием писала, что ей жаль несчастных: «*Несмотря на все зло, которое они нам сделали, я не*

могу хладнокровно думать, что этим несчастным не оказывают никакой помощи и они умирают на больших дорогах, как бессловесные животные» (17 сентября 1812) [2, с. 60].

Как свидетельствовала Волкова, *москвичи стали покидать Москву в августе*, по мере продвижения французов к городу. Жителями города двигал страх перед войной и нежелание подчиняться французской администрации. Уже в середине августа в городе почти не осталось лошадей. «*Ежедневно тысячи карет выезжают во все заставы и направляются одни в Рязань, другие в Нижний и Ярославль*» (15 августа 1812) [2, с. 54].

Мария Волкова рассталась с «*матушкой Москвой*» 16 августа, «*смертельно*» тоскуя по «*родному, милому городу*», ей было тяжело вспоминать об этих «*горьких минутах*» (20 августа 1812) [2, с. 54]. Она не желала другого счастья, «*как только снова увидеть московские стены*» (20 августа 1812) [2, с. 54]. Самыми ожидаемыми новостями для Волковой в период ее жизни в провинции были известия о военных событиях: ждали побед. Однако приходилось длительное время «*быть в неведении*». Мария надеялась, что «*матушка Москва счастливо вырвется из когтей чудовища...*» (20 августа 1812) [2, с. 54]. В представлении Волковой, война несла угрозу не только отечеству, жизни ее родных и близких, но и малой родине – Москве. Личное и отечественное слилось в одном представлении – убеждении в необходимости изгнать врага с родной земли. Это единение способствовало духовному росту девушки, воспринимавшей национальные проблемы как личные.

О *Бородинском сражении* (в письмах названо «*битва под Можайском*») М. Волкова узнала, находясь в Тамбове. *Источники ее информации* о положении дел в армии и военных событиях, как она пишет, были далеко не достоверными. Приходилось пользоваться слухами. Она писала об этом: «*До сегодняшнего дня мы были в постоянной тревоге, не имея верных известий и не имея верить слухам*» (3 сентября 1812). О Бородинском сражении русское провинциальное общество знало немного. Первая реакция Волковой на сведения о сражении была эмоциональной. Узнав о гибели многих людей в этом сражении, она пришла в ужас: «*У нас дыбом встали волосы от вестей 26 и 27 августа. Прочитав их, я не успела опомниться...*» (3 сентября 1812) [2, с. 56]. Одновременно ею было получено известие о гибели в Бородинском сражении близкого родственника.

Мария рыдала. Предстоящую сдачу Москвы Волкова назвала «бедствием». Она боялась, что гибель Москвы приведет к национальной трагедии: «Ведь ежели Москва погибнет, все пропадет!» (3 сентября 1812) [2, с. 56].

Бородинская битва долго переживалась москвичами как трагедия. Мария писала: «Известие о битве под Можайском окончательно сразило нас, и с этих пор ни одна радостная весть не оживляла нас» (17 сентября 1812) [2, с. 58]. Не имея информации об убитых и раненых в этом сражении, Волкова просила подругу узнать в Петербурге, сколько погибло в битве за Москву: «Пока не предвижу возможности получить здесь новости и прошу тебя, если получишь письмо, сообщи мне как можно более сведений об убитых и раненых. Сообщения с Москвой прерваны; не знаем, откуда получать известия, к кому обратиться... Надо полагать, что вам известно более, чем нам; вы должны знать хотя число убитых» (17 сентября 1812) [2, с. 58]. Оплакивая убитых, М. Волкова считала, что огромные потери в этом сражении – это жертвы, принесенные русскими людьми в защиту своей родины: «...они умирают, исполняя свой священный долг, защищая свое отечество и правое дело, чем заслуживают благословение Божие. Я стараюсь проникнуться этим чувством, а равно и внушить его...» родным людям (17 сентября 1812) [2, с. 58]. Встречая в Тамбове москвичей, Мария Волкова видела, что все они «грустные и убитые» (17 сентября 1812) [2, с. 58].

После Бородинского сражения, когда стало очевидно, что русская армия оставила Москву и ее заняли французы, Волкова в письмах подняла проблему исторического значения двух столиц – Москвы и Петербурга. Она, будучи москвичкой, воспринимала свой город как национальный центр России, «а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве» (3 сентября 1812) [2, с. 56]. Для Волковой было неоспоримой истиной национальное значение Москвы для России. В доказательство она привела мнения простых людей – крестьян, которых она встречала в провинции, спрашивающих о «матушке Москве»: «...нас постоянно окружают крестьяне... Могу тебя уверить, что ни один из них не поминал о Питере» (3 сентября 1812) [2, с. 56]. *Война 1812 г.* актуализировала проблему двустоличности России. Народ сердцем понял значение Москвы для отечества.

М. Волкова упрекала петербуржцев в недостаточном понимании ситуации, что они мало инте-

ресовались «общественными делами», восторгались романами г-жи Сталь, когда москвичей интересовала лишь одна проблема – освобождение города от французов (3 сентября 1812) [2, с. 57]. Как истинная москвичка, Мария писала, что она не знает «ни минуты покою», только вера в милосердие Бога спасает ее от сумасшествия. Узнав о занятии французами Москвы, она испытывала «горе»: «...пролежала три дня в постели, не будучи в состоянии ни о чем думать и ничем заниматься» (17 сентября 1812) [2, с. 58]. Мария искала «прибежища в Боге». Аналогичные настроения и мысли были у многих русских людей: «...удар на всех одинаково подействовал, на лица всех сословий, всех возрастов, всевозможных губерний произвел ужасное впечатление» (17 сентября 1812) [2, с. 58].

Судьба Москвы была основной темой дум и разговоров М. Волковой, ее родственников и знакомых в те дни. Она писала Варваре Ивановне в Петербург, что эмоции питерцев не могут быть сопоставлены с «чувствами лиц, живших в нашем родном городе в последнее время перед его падением, видевших его постепенное разрушение и, наконец, гибель от адского могущества чудовищ, наполняющих наше несчастное отечество» (17 сентября 1812) [2, с. 58].

Важно отметить, что Волкова и в Москве, и в Тамбове разговаривала со многими москвичами, поэтому сумела передать не только свои переживания, но и выявить общие мнения, настроения, думы. Так, она писала из Тамбова: «Есть много других москвичей, которых мы мало или почти вовсе не знаем. Все такие грустные и убитые...» (17 сентября 1812) [2, с. 58]. Тревожное настроение москвичей в провинции усиливалось отсутствием достоверных сведений о происходящем в Москве и в русском лагере, о планах русского командования: «...мы пробавляемся слухами, распускаемыми в народе, которые большею частью не что иное, как выдумки. Судьба Москвы и армии нам одинаково неведома. Каждый день слышишь новый рассказ» (17 сентября 1812) [2, с. 59]. Все их мысли были о судьбе родного города.

Живя в провинции, москвичи думали о судьбе своего родного города. Многие дворяне, уезжая из Москвы, оставили в своих домах прислугу, чтобы сберечь хоть какие-нибудь вещи. Однако произошло переосмысление ценностей многих русских людей в дни войны. Так, *ценность жизни человека, в сознании Волковой, была важнее ценности собственности*. Она писала, что ее

тревожила *«участь прислуги, оставшейся в доме нашем в Москве... Никто из нас не заботится о денежных потерях, как бы велики они ни были, но мы не будем покойны, пока не узнаем, что люди наши... остались целы и невредимы»* (17 сентября 1812) [2, с. 59].

М. Волкова и другие москвичи расспрашивали купцов, вырвавшихся из города уже после занятия его французами, понимая, что они, будучи живыми свидетелями происходящих в Москве событий, расскажут правду. От торговцев они услышали, что *«милый, родимый город, некогда приют мира и счастья, представляет лишь груды пепла!»* (30 сентября 1812) [2, с. 60]. Возмущение москвичек вывал рассказ купцов о том, что оставшиеся в городе подвергаются пыткам, они лишены средств к существованию, у них отобрали одежду, с ними варварски обращаются, *«несчастные умирают от голода»*, дома жгут. *«Все наши церкви обращены в конюшни. Наполеон, иначе сатана, начал с того, что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви»* (30 сентября 1812) [2, с. 60]. Осуждая *«святотатство»* Наполеона в Москве, М. Волкова считала, что французский командующий *«страшно»* кончит. С ее точки зрения, осквернение французами православных церквей не было цивилизованным действием.

Желая помочь раненым, москвички в Тамбове готовили *«корпии и повязки»* для них. Ежедневно молились в монастыре в версте от города. Вид беженцев – государственных крестьян – вызвал у Марии сострадание: *«...сколько бедных людей лишены насущного хлеба»* (7 октября 1812) [2, с. 61]. В военное время девушка увидела, как живут люди разных сословий, она была внимательна к бедам людей: *«...пребывание мое в Тамбове, при теперешних обстоятельствах, открыло мне глаза насчет многого»* (7 октября 1812) [2, с. 61]. Мария Волкова многое переосмыслила. Ранее для нее было гораздо важнее социальное положение, достаток и образование человека, но в дни войны она поняла, что главное душевные качества – доброта, сострадание, жертвенность. Признаваясь, что прежде здешних добрых людей считала бы смешными и глупыми, она писала: *«...прибыв сюда с разбитым сердцем и с душевным горем, не могу тебе объяснить, как благодарны были мы им за ласковые к нам поступки. Все наперевы стараются оказать нам услуги, и нам остается лишь благодарить этих добрых соотечественников, которых мы так мало знаем»* (7 октября 1812) [2, с. 61].

Таким образом, письма Марии Аполлоновны Волковой являются собой духовную рефлексию девушки, выразившей свои мысли и душевные переживания: понимание ответственности всех соотечественников за судьбу родины, чувство сопричастности к событиям, сопереживание людям. Понимание войны как горя и угрозы отечеству свидетельствует о развитости ее личностного и национального сознания.

Женское видение войны – это сердечное переживание людского горя, вызванного смертью, ранениями людей, разорением имений. Женщины старались быть мужественными, но душа страдала: *«Как ни вооружайся храбростью, а слыша с утра до вечера лишь о траурах да о разорении, невозможно не огорчаться и не принимать к сердцу всего, что видишь и слышишь»* [2, с. 50]. *Сердечность* – душевное качество русских женщин, понимавших, сочувствовавших, страдавших, переживавших, оплакивавших. Свое духовное призвание помогать людям во время войны они поняли сердцем.

По свидетельству Волковой, война по-разному воспринималась женщинами и мужчинами. Женщины более эмоционально переживали несчастья, война вселяла в их души *«ужас»*, они чувствовали горе, видя и слыша о ранениях и гибели людей. Мужчины, руководствуясь чувством долга перед родиной, независимо от возраста в дни войны проявили решимость защищать отечество.

Национальное сознание русских людей, по свидетельству М. Волковой, проявилось в понимании необходимости защищать Россию. Война выявила их способность в тяжелую для родины минуту проявлять национальную солидарность.

В сознании Марии Волковой, пережившей много горя за несколько месяцев войны, *женское восприятие войны* (сострадание) *соединилось с национальным* (необходимо защищать отечество), *религиозным* (*«Бог к себе призывает»*), *социальным* (солидарность с народом, страдающим от военных действий). Размышления о происходящих в годы войны событиях обострили все чувства девушки, способствуя развитию гражданского сознания.

Сообщения М. Волковой о настроениях и переживаниях родных, близких и малознакомых людей позволяют обобщить информацию и выявить сходные черты сознания москвичей, преимущественно женщин: любовь к родному городу и России, желание победить, ненависть к противнику, сочувствие всем нуждающимся в помо-

щи, вера в милосердие Бога. Эти черты можно определить как базовые составляющие духовной культуры русского общества, они не зависели от социального положения людей, уровня их образованности. В дни войны многие обостренно поняли ценность независимости отечества. Усилилась вера людей в божественную силу. Эта вера позволяла переживать горе. Женщины молились и надеялись, что Бог «*обратит нас к себе*» (17 сентября 1812) [2, с. 59]. Духовная рефлексия, проявившаяся в осознании истинных ценностей и понимании необходимости быть душевными, искренними и любящими, чтобы помочь ближнему, – свидетельство развитости личностной культуры Марии Аполлоновны Волковой, соединявшей частное и общественное в поисках истины и справедливости.

Библиографический список

1. Борисова А. В. Отечественная война 1812 г.: женский взгляд [Текст] / А. В. Борисова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 1915. – № 3. – С. 9–15.

2. Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской. 1812–1818 гг. / [пер. с фр. М. Свистуновой] ; предисл., коммент., указ. имен Е. Н. Савиновой. – М. : Государственная публичная историческая библиотека, 2013. – 459 с.

Bibliograficheski spisok

1. Borisova A. V. Otechestvennaja vojna 1812 g.: zhenskij vzgljad [Tekst] / A. V. Borisova // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki. – 1915. – № 3. – S. 9–15.

2. Griboedovskaja Moskva v pis'mah M. A. Volkovoj k V. I. Lanskoj. 1812–1818 gg. / [per. s fr. M. Svistunovoj] ; predisl., koment., ukaz. imen E. N. Savinovoj. – M. : Gosudarstvennaja publichnaja istoricheskaja biblioteka, 2013. – 459 s.

Reference List

1. Borisov A. V. Patriotic War of 1812: a female view // Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Humanities Series. – 1915. – № 3. – Page 9–15.

2. Griboedov Moscow in M. A. Volkova's letters to V. I. Lanskaya. 1812–1818 / [translated from French by M. Svistunova]; foreword, comment., decree of E. N. Savinova. – M. : State Public Historical Library, 2013. – 459 pages.